УДК 343.97

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕРТВ ИЗНАСИЛОВАНИЙ

А. Э. ШИРНЕВИЧ
(Представлено: О. В. Катушонок)

В статье проводится развернутый теоретико-правовой и виктимологический анализ личности и девиантного поведения жертв изнасилований. На основе критического осмысления классических доктринальных подходов и современных нормативно-правовых актов Республики Беларусь исследуются ключевые криминогенные детерминанты виктимности. Автором сопоставлены различные научные взгляды на сущность и формы виктимности (личностная, ролевая, поведенческая), предложена криминологическая оценка механизмов сопротивления и обоснованы рекомендации по совершенствованию превентивной деятельности в рамках белорусского законодательства.

Современная криминологическая наука отказывается от упрощенного линейного понимания механизма совершения половых преступлений, рассматривая изнасилование как деструктивный результат сложного межличностного взаимодействия, в котором личностные параметры и действия жертвы играют существенную роль на предкриминальной стадии. Преступник, жертва и конкретная жизненная ситуация образуют единую динамическую систему, которая может существовать и развиваться только при наличии и взаимосвязи всех названных компонентов [1, с. 70]. Противоправное поведение виновного лица в определенной мере зачастую детерминируется поведением самой потерпевшей, которая своими осознанными, неосторожными или легкомысленными действиями способна как спровоцировать агрессора, так и создать объективные ситуационные предпосылки для быстрой реализации им своего преступного умысла. Жертва до и непосредственно в момент совершения посягательства может вести себя положительно (не благоприятствовать умыслу, оказывать адекватное сопротивление), нейтрально (не иметь физической возможности влиять на ситуацию), либо активно благоприятствовать возникновению преступного намерения или прямо провоцировать виновного [2, с. 15]. С виктимологической точки зрения, последствия насильственных половых посягательств во многом определяются поведением самой жертвы, к которой применяется принуждение, и ее специфической ролью в генезисе преступного акта [3, с. 116]. В доктрине это породило концепцию «способствующей жертвы», разработанную М. Амиром, который под «способствующим» понимал поведение, интерпретируемое преступником либо как явное приглашение к сексуальному взаимодействию, либо как знак того, что жертва будет доступна, если он проявит достаточную настойчивость. С позиций критического анализа важно отметить, что данная концепция исследует исключительно субъективное восприятие ситуации преступником и не должна использоваться для перекладывания правовой ответственности на пострадавшую сторону.

Полноценная профилактика невозможна без глубокого понимания причинного комплекса половой преступности. Криминогенная деформация личности преступника и специфика взаимодействия сторон в ситуации посягательства определяют характер и степень общественной опасности данного деяния [4, с. 61]. Насильственные посягательства наносят огромный ущерб обществу, и механизм преступного поведения в них всегда связан с агрессивно-пренебрежительным отношением к неприкосновенности личности. В криминологической науке под насилием понимается беззаконное применение силы, принудительное воздействие на лицо против его воли [4, с. 62]. Насильственное воздействие на личность состоит во всяком принуждении её к действиям, противоречащим её желаниям. Криминология изучает проявление не только физического, но и психического насилия в преступном поведении, выражающегося главным образом в угрозе применения немедленной силы (угроза убийством, причинением вреда здоровью, лишением свободы) при совершении изнасилований.

Виктимность как междисциплинарный феномен представляет собой не только сугубо личностное, но и выраженное социальное свойство, обусловленное наличием в обществе специфических факторов, повышающих вероятность виктимизации отдельных групп населения. В криминологической доктрине сложились различные подходы к определению сущности виктимности, сопоставление которых позволяет глубже понять природу данного явления. Л. В. Франк определял её как реализованную преступным актом способность человека стать при определённых обстоятельствах жертвой преступления или неспособность избежать опасности там, где она объективно была предотвратима [5, с. 22]. В свою очередь В. И. Полубинский критиковал этот подход и указывал, что при определении виктимности конкретного человека речь должна идти об узкой, специфической способности становиться жертвой, которая непосредственно связана с особенностями личности и девиантного поведения самого пострадавшего или с его специфическими взаимоотношениями с причинителем вреда [6, с. 32–33]. В. П. Коновалов рассматривает виктимность как субъективную неспособность

отдельных лиц в силу совокупности личностно-психологических свойств избегать собственной виктимизации, либо как объективно повышенную вероятность становиться потерпевшим в силу исполняемых ими отдельных социальных ролей при определённых обстоятельствах [7, с. 80]. В. Я. Рыбальская подчеркивает, что виктимность есть личностная характеристика, означающая известную предрасположенность человека стать жертвой посягательства [8, с. 12]. Синтезируя эти подходы, мы можем прийти к выводу, что виктимность представляет собой динамическое сочетание личностных деформаций пострадавшего и внешних ситуационных факторов, которые кристаллизуются в предкриминальной обстановке.

Наличие устойчивых виктимных качеств у жертв изнасилований обусловлено, как правило, серьезными недостатками воспитания, нравственного формирования личности и деструктивным влиянием ближайшей микросреды. Вероятность стать жертвой полового посягательства в большей или меньшей степени обусловлена совокупностью индивидуальных личностных качеств, взаимодействующих с внешними факторами в конкретной ситуации. Для детального анализа механизма детерминации половой преступности в криминологии выделяют три ключевые формы проявления виктимности: личностную (обусловленную социально-демографическими параметрами, полом, возрастом, биофизической слабостью), ролевую (связанную с выполнением профессиональных или социальных функций, уровнем материального состояния) и поведенческую. Личностная виктимность часто сопряжена с биофизической слабостью и беспомощностью жертвы, которые играют существенное значение при выборе ее преступником и жестко ограничивают возможности по оказанию сопротивления, делая женщин и детей наиболее уязвимыми группами. Ролевая виктимность определяет категории лиц, могущих стать объектом посягательства в связи с осуществлением профессиональных функций или материальной, социальной и родственной зависимости [9, с. 22].

Поведенческая виктимность напрямую сопряжена с характером действий потенциальной жертвы в предкриминальный период. Отрицательные свойства личности и девиантное поведение оказывают негативное воздействие на преступника и способствуют совершению противоправных действий. Данные действия могут выражаться в форме «необоснованного доверия», когда потерпевшая соглашается пить вино или уединяться с малознакомыми лицами, либо в форме «оплошности» – глупой и неосторожной поспешности, недостаточно сильного сопротивления сексуальным домогательствам. Для таких лиц типичным является неразборчивость в связях, легкомыслие в приобретении рискованных знакомств, готовность вступить в случайную связь ради сиюминутной материальной выгоды или развлечений за чужой счет. Специфическим катализатором виктимности выступает совместное употребление алкоголя преступником и будущей жертвой, что наиболее характерно для ситуаций, когда стороны были ранее знакомы. Состояние опьянения резко снижает способность индивида к критическому восприятию действительности, ослепляет волевой контроль и максимально ограничивает физические возможности оказать должное сопротивление нападающему. В виктимологическом генезисе изнасилования такое поведение подразделяется на некритичное, устойчивое и злостное.

Важную роль в расследовании и квалификации преступлений играет классификация жертв по медицинским критериям, требующая междисциплинарного подхода. С точки зрения криминологического анализа, среди пострадавших от сексуального насилия традиционно выделяются несколько категорий лиц, чья уязвимость обусловлена состоянием здоровья. К ним относятся граждане, не имеющие явных ментальных нарушений, лица с диагностированными психическими заболеваниями (такими как шизофрения или умственная отсталость), а также лица со специфическими сексуальными расстройствами. Вторая группа лиц часто оказывается уязвимой в условиях социальной изоляции или нахождения в специализированных стационарах. Третья группа охватывает лиц с парафилиями, включая расстройства половой идентификации и сексуального предпочтения. Особую категорию поведенческой виктимности составляют лица, способствующие эскалации ситуации своим вызывающим поведением, экстремальной одеждой или аморальным образом жизни, а также лица, вовлеченные в занятие проституцией. Анализ данных факторов позволяет сделать вывод о необходимости привлечения судебных психологов и психиатров на ранних стадиях расследования половых преступлений для правильной оценки волевого элемента жертвы.

Сопротивление жертвы насильнику является основным объективным показателем несогласия на половую близость, выражающим ее подневольность и нежелание совершать половой акт. Физическое насилие применяется преступником с целью предотвращения возможного или преодоления действительного сопротивления потерпевшей. Сопротивление жертв различается по степени активности и осознанности. По мере осознания явной опасности ситуации потерпевшая, вынужденная отказаться от физического сопротивления под влиянием побоев или шока, нередко прекращает активные физические действия, но продолжает моральное сопротивление, стремясь уговорить насильника, разжалобить его, пускаясь на хитрости или стремясь выиграть время. Отрицательное поведение жертвы в предкриминальной ситуации способно породить сексуальную мотивацию и ложную уверенность у будущего насильника в совпадении желаний партнеров, провоцируя его на преступление [10, с. 71]. Добровольное уединение в квартире, заигрывания, а также последующий спонтанный отказ от интимной связи могут расцениваться перевозбужденным партнером как притворное сопротивление, что облегчает переход лица к противоправным действиям, источником и внешним толчком для которых послужило первоначальное провокационное поведение

потерпевшей. Таким образом, сопротивление выступает не просто физическим актом, а сложным информационным сигналом в коммуникации между агрессором и жертвой, неверная оценка которого преступником ускоряет генезис преступления.

Существенное детерминирующее значение имеет фактор возраста жертвы. Неосмотрительное, в высшей степени доверчивое поведение типично для женщин молодого возраста, что обусловлено их психологической незрелостью, юношеским максимализмом и острым дефицитом жизненного опыта. В то же время малолетний возраст и физическая беспомощность полностью лишают жертву возможности защитить себя, делая ее уязвимой перед лицами, обладающими явным физическим превосходством. В виктимологическом контексте важно также четко разграничивать психическую беспомощность (когда лицо в силу возраста, обморока или душевной болезни не способно понимать характер совершаемых с ним действий и выразить волю) и физическую беспомощность, при которой жертва осознает происходящее, но ввиду тяжелой болезни, малолетнего или преклонного возраста, увечья не может оказать эффективного противодействия. Выявление данных закономерностей необходимо правоохранительным органам для выработки мер адресной превенции.

Оптимизация виктимологической профилактики в Республике Беларусь требует перехода от пассивного наблюдения к проактивному, системному воздействию на уязвимые группы населения. В рамках Постановления Совета Министров Республики Беларусь «О правовом воспитании и просвещении граждан в 2024–2029 годах» № 24 [11] предусмотрено проведение масштабных мероприятий по правовому воспитанию, профилактике девиантного поведения несовершеннолетних, формированию психосоциальных компетенций подростков в процессе социализации и организации выпуска учебных изданий, направленных на повышение уровня правовой культуры. Важной частью противодействия является работа по предупреждению преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних в информационной сфере посредством разъяснения вопросов безопасного поведения в сети Интернет и предотвращения кибербуллинга. Особое значение приобретает деятельность социально-педагогических центров, функционирующих на основании Постановления Министерства образования Республики Беларусь от 14 июля 2025 г. № 122 [12]. Структурные подразделения социально-педагогических центров (отделы профилактики семейного неблагополучия, отделы профилактики и комплексной реабилитации, дружественные детям комнаты для допроса) обеспечивают раннее выявление неблагоприятной для детей обстановки, реализацию планов защиты прав несовершеннолетних и оказание своевременной психологической помощи жертвам насилия. Анализируя данные нормативные шаги, можно утверждать, что интеграция социально-педагогических центров и правоохранительных органов позволяет создать единый реабилитационный контур, минимизирующий риски повторной виктимизации.

Проведенный анализ подтверждает тезис, что поведение жертвы выступает существенным элементом криминологической структуры и генезиса изнасилования. Учет поведенческих, психологических и ситуационных характеристик жертв необходим для разработки эффективных мер индивидуальной профилактики, ориентированных на потенциально уязвимые группы. В первую очередь превентивные меры должны быть направлены на молодых женщин и подростков с целью формирования у них устойчивых навыков безопасного поведения, цифровой гигиены и адекватной критической оценки рискованных ситуаций. Однако важно подчеркнуть, что выявление криминогенно-виктимогенного характера действий жертвы (включая легкомыслие, аморальность или употребление алкоголя) ни в коем случае не должно служить инструментом оправдания виновного поведения насильника. Ответственность за преступный замысел и его физическое воплощение всегда лежит исключительно на агрессоре, а виктимологические детерминанты должны использоваться государством только как аналитическая база для защиты граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мизина, М. Д. Роль жертвы насильственных преступлений в виктимологической ситуации / М. Д. Мизина // Вестник магистратуры. – 2015. – № 9(48). – С. 70–72.
2. Абызов, Р. М. Виктимное поведение в генезисе изнасилования / Р. М. Абызов, И. Н. Заварыкин // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – № 2-1(86). – С. 15–17.
3. Рашидов, Ш. М. Насилие и виктимность в криминологическом анализе преступности / Ш. М. Рашидов // Юридический вестник ДГУ. – 2014. – № 2. – С. 115–118.
4. Морозов, Б. В. Виктимологическая характеристика негативного поведения жертв изнасилований / Б. В. Морозов, А. А. Давыдова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2008. – № 18(118). – С. 61–64.
5. Франк, Л. В. Виктимология и виктимность (об одном новом направлении в теории и практике борьбы с преступностью) / Л. В. Франк. – Душанбе : ТГУ, 1972. – 111 с.
6. Полубинский, В. И. Правовые основы учения о жертве преступления / В. И. Полубинский. – Горький : ГВШ МВД СССР, 1979. – 84 с.
7. Коновалов, В. П. Изучение потерпевших с целью совершенствования профилактики преступлений / В. П. Коновалов. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1982. – 48 с.

8. Рыбальская, В. Я. Виктимологические исследования в системе криминологической разработки проблем профилактики преступлений несовершеннолетних / В. Я. Рыбальская // Вопросы борьбы с преступностью. – 1980. – Вып. 33. – С. 34–41.
9. Бычков, В. В. Виктимологическая составляющая сексуального насилия / В. В. Бычков // Виктимология. – 2017. – № 4(14). – С. 22–28.
10. Сидоров, Б. В. Виктимологические признаки основного состава изнасилования и их оптимизация в уголовном законе / Б. В. Сидоров, Г. А. Михопаркин // Вестник экономики, права и социологии. – 2008. – № 1. – С. 68–80.
11. О правовом воспитании и просвещении граждан в 2024–2029 годах : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 12 янв. 2024 г., № 24 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.10.2026).
12. О социально-педагогическом учреждении : постановление Министерства образования Респ. Беларусь, 14 июля 2025 г. № 122 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.10.2026).